

Владимир Викторович Подмаскин¹
podmaskin@yandex.ru

УЙЛЬТА-РУССКИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НА САХАЛИНЕ (СЕРЕДИНА XIX — НАЧАЛО XXI в.)

История экономических, политических, культурно-бытовых и семейно-брачных связей уйльта с русским населением Сахалина насчитывает более 150 лет. Благодаря массовому притоку русских на остров происходит постепенная ассимиляция и аккультурация всех его коренных жителей, определяется их численность, этническая идентичность, современная территория природопользования, оформляются этнические границы в зоне контактов с оседлыми соседями, выделяются этнографические группы. Исследование межэтнических взаимоотношений показало активное участие русского населения в этнической истории уйльта. В преобладающей русской этнической среде произошла утрата у островного этноса прежней национальной хозяйственной специфики (оленоводства), русские заимствования проявились в типах жилищ, мебелировке и утвари, одежде, посуде, пище. Обнаруживаются они и в социальной сфере, языке, топонимике, ценностной ориентации, фамильной номенклатуре. В результате процесса этнического смешения произошло изменение антропологического типа и усложнение антропологического состава этносов. Уйльта приняли христианство. Более высокий в стадийном отношении уровень русской культуры оказался доминирующим в системе межэтнических коммуникаций, способствовал развитию экономики и культуры уйльта, обогатил лексический состав языка и повлиял на все стороны их жизни.

Ключевые слова: уйльта (ороки, орочёны), этническая коммуникация, личностная коммуникация, групповая коммуникация, культурная коммуникация, заимствования, Сахалин.

Vladimir V. Podmaskin¹
podmaskin@yandex.ru

UILTA-RUSSIAN HISTORICAL AND CULTURAL RELATIONS ON SAKHALIN (MID-19th — EARLY 21th)

The history of economic, political, cultural, domestic, and family-marriage relations between Uilta and the Russian population is more than 150 years old. Thanks to the massive Russian colonization of Sakhalin there is a gradual assimilation

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

and acculturation of all indigenous inhabitants of the island, defined the modern ethnic territory natural resources, population, ethnic identity, ethnic boundaries are drawn in the area of contacts with sedentary neighbors are highlighted in the ethnographic group. The study of ethnic relations showed the active participation of the Russian population in the ethnic history of the Uilta. Russian ethnic group lost its former national economic specificity (reindeer husbandry) in the prevailing Russian ethnic environment, and Russian borrowing in the types of dwellings, furniture and utensils, clothing, dishes, and food was manifested. Numerous borrowings are found in the social sphere, language, toponymy, value orientation, and family composition. As a result of the process of ethnic mixing, there was a change in the anthropological type and a complication of the anthropological composition of ethnic groups. The Uilta converted to Christianity. The higher level of Russian culture in terms of stadiums proved to be dominant in the system of inter-ethnic communications, contributed to the development of the economy and culture of the Uilta, enriched the lexical composition of the language and influenced all aspects of life.

Keywords: Uilta (Oroki, Orochon), ethnic communication, personal communication, group communication, cultural communication, economic communication, political communication, borrowings, Sakhalin.

ПЕРЕСТРОЙКА ХОЗЯЙСТВА И БЫТА УЙЛЬТА

В конце 50-х гг. XIX в. отмечается благотворное влияние русских поселенцев на коренные народы Сахалина [9, с. 24, 33, 37—38]. В замкнутых границах островного пространства с аборигенами острова встретились не дипломаты и политики, а простые крестьяне, рыбаки, солдаты, врачи, священники, торговцы и прочий нечиновный люд, выходцы из центральных и южных губерний России и Сибири. Первоначально пришлое население стремилось освоить новые для них промыслы. Началось заимствование от коренных жителей традиционных орудий рыболовства и охоты. Местные промыслы сближали аборигенов Сахалина с русскими *лоча*, от которых они в свою очередь переняли охотничьи капканы и огнестрельное оружие, а позднее — более совершенные орудия добычи рыбы. Кроме того, уйльта «довольно охотно стали обращаться в своих спорах к администрации или влиятельным лицам из русских» [18, с. 25].

Связи уйльта с русскими укреплялись торговыми отношениями [24, с. 126]. Стоит отметить, что ещё до установления непосредственных контактов уйльта с русскими посредниками в обмене мехов на промышленные товары (металлические котлы, ножи, табак, бисер) выступали якуты *яокко*. С 1860 г. русские купцы активизировали торговлю с отдалёнными районами Сахалина.

25 апреля (7 мая) 1875 г. в Санкт-Петербурге состоялось подписание русско-японского договора, по которому весь Сахалин отошёл к России.

В 80—90-е гг. XIX в. началось быстрое заселение острова, строительство дорог, поселений, церквей, активизировалась миссионерская деятельность среди местных жителей. Социально-экономическое переустройство жизненного уклада уйльта стало зависеть от всероссийского капиталистического рынка.

С конца XIX до начала XX в. политика Российской империи начала сильно сказываться на жизнедеятельности уйльта. Уже в начале 80-х гг. XIX в. пришлое население численно преобладало над коренным [11, с. 40]. С этого момента доля аборигенов в общей численности населения острова начинает быстро снижаться. Русская колонизация сопровождалась изъятием у них промысловых угодий. Это мероприятие, наряду с оскудением природных ресурсов, привело аборигенов Сахалина к быстрому обнищанию и голоду. Серьёзной проблемой стало враждебное отношение некоторых переселенцев к коренному населению [4, с. 37]. В складывающейся обстановке иноэтнического окружения уйльта продолжали вести самобытную жизнь, постепенно включаясь в общие процессы государственного развития, характерного для российского общества в целом [23, с. 147].

Ещё в начале XIX в. на острове появились скупщики пушнины. В связи с этим стала вестись интенсивная охота на соболя, енота и лису, что привело к оскудению фауны. Ф.Б. Шмидт писал: «Природные богатства вполне гарантировали существование инородцев до тех пор, пока последние не пришли в соприкосновение с цивилизацией... жизнь айнов, уйльта и гиляков стала тяжёлой: лучшие места рыболовства были заняты пришельцами, зверь распуган и истреблён огнестрельным оружием; наконец, водка и занесённые новые болезни довершили остальное...» [34, с. 162]. Особую тревогу исследователь выразил по поводу чрезмерного вылова рыбы, ставшего причиной голода среди коренного населения.

В мае 1925 г. установилась советская власть на Северном Сахалине. Её первостепенной задачей стала перепись и изучение быта коренных народностей острова [ГАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 22. Л. 1—28]. Согласно данным 1925—1926 гг., нивхи составили 1521 чел., эвенки — 172 чел. и ороки (уйльта) — 122 чел. В советский период число переселенцев с материка стало стремительно расти. Уже в конце 1920-х гг. коренные жители составляли лишь 4% всего населения Северного Сахалина. В экономической специализации территории наряду со старыми отраслями (угольной, лесодобывающей, рыбной) появились новые — нефте- и газодобывающая. Нефтепромыслы открывались на летних оленьих пастбищах [23, с. 148].

Национальная политика советского государства базировалась на доктрине перехода малых народов Севера от первобытного строя к социализму, минуя другие исторические формации. В основе её была концепция «оседания» кочевых народов и перевод их на занятие сельским хозяйством.

Из традиционных отраслей уйльта для дальнейшего развития было выделено лишь крупное табунное оленеводство, поскольку небольшие племенные стада могли использоваться для транспортных целей.

В 1932—1936 гг. были образованы два оленеводческих колхоза: «Набиль» и «Вал». Домашние олени Владимира Оопуна, кочевья которого находились в районе залива Пильтун, стали основой большого колхозного стада «Вал» [23, с. 151]. Центр этого колхоза представлял собой новый благоустроенный посёлок с рублеными домами русского типа. Около домов были расположены огороды (ороки сажали картофель, редис, табак и др.). Имелся медпункт, клуб, магазин, баня. В колхозе насчитывалось несколько тысяч оленей (в 1949 г. их количество увеличилось до 4694 голов). Такой прирост стал возможен благодаря хорошему зоотехническому надзору. В тайге бригады пастухов жили не в чумах, а в более удобных палатках. Плановый ежегодный забой оленей обеспечивал колхозников мясом. В сувенирных мастерских на продажу изготовляли унты, перчатки, дохи, изящные коврики из оленьих шкур и замши. Весной организовывали бригады для охоты на сивуча и нерпу, летом — для рыболовства; специальные женские бригады создавались для сбора черемши и кедровых орехов. В колхозе разводили также коров и лошадей [13, с. 860].

В годы советской власти комплексное хозяйство уйльта было полностью перестроено. Внедрение современной бытовой культуры и всеобщей грамотности завершили процесс глубинных изменений всей системы организации производства и жизни. От индивидуально-семейной формы ведения хозяйства уйльта перешли к коллективной. Однако обобществление поголовья оленей в пользование колхозов (впоследствии совхозов) и создание крупных коллективных стад оказалось нерациональным. В 1983 г. в Валовском отделении совхоза осталось только 900 голов, тогда как в послевоенные годы насчитывалось до 12 тыс. оленей [12, с. 236].

Одновременно проводилась политика ликвидации маленьких стойбищ и переселения уйльта в стационарные посёлки, построенные для размещения там правлений рыболовецких совхозов и колхозов, которыми вначале руководили назначаемые на эти должности партийные работники. В 1936 г. ороки Северного Сахалина были объединены в одном оленеводческом колхозе «Вал». В этот колхоз, кроме представителей данного этноса, вошли несколько семей эвенков, русских и нивхов. В конце 1930-х гг. уйльта составляли 90% жителей села, русскоязычных было всего 5%. Детей с восьми лет обучали в школе с. Ноглики. Взрослые неграмотные колхозники проходили курс ликбеза. Во всех колхозах начислялась зарплата.

В период завершения коллективизации (1939—1940) начался переход коренного населения Сахалина к оседлому образу жизни. Этот процесс сопровождался укрупнением ряда колхозов. В результате хозяйственного и жилищного строительства появились новые крупные посёлки (Вал, Ноглики). Они были смешанными по национальному составу, в связи с чем культурное влияние русских ещё более усилилось. Численность русского населения значительно превышала численность коренных малочисленных народов острова. Приток русских переселенцев был вызван нуждами

культурного строительства, а затем необходимостью развития хозяйства, транспорта, разработкой полезных ископаемых и т.п.

В 50-е гг. XX в. хозяйства начали приобретать современную технику. В начале 60-х гг. рыболовецкие колхозы построили холодильники, электростанции, приобрели пилорамы, тракторы, автомашины, моторные катера. Уйльта овладели специальностями электриков, механиков, шофёров, мотористов и т.п. Были списаны накопившиеся за многие годы недоимки по подоходному и сельскохозяйственному налогам, рыболовному сбору.

В 70-е гг. в связи с рационализацией оленеводческого хозяйства, созданием крупных стад многие оленеводы были освобождены от выпаса оленей и вместе со своими семьями перешли в посёлки. Укрупнение колхозов, общий подъём экономики, реконструкция традиционных промыслов породили не только консолидационные, но и ассимиляционные процессы. В те же годы произошло фактическое слияние многих территориальных групп ороков в три населённых пункта (с. Вал, пос. Ноглики, г. Поронайск). Такая концентрация привела к окончательной нивелировке этнографических и лингвистических особенностей, существовавших ранее у всех этих групп, а также обострила экономические и социальные проблемы этноса [23, с. 111].

Экономические «преобразования» особенно сильно деформировали образ жизни и хозяйственный уклад оленеводов. Вместо существовавших в 1940-е гг. в колхозе «Вал» четырёх стад, рассредоточенных по обширной территории Северо-Сахалинской равнины, в отделении «Вал» созданного позже совхоза «Оленевод» оставили только два стада. Ссылаясь на требования техники безопасности, власти сократили рабочие места (на одного пастуха приходилось 160 оленей), вследствие чего оленеводы вынуждены были искать в посёлке другую работу. Одновременно с этим ликвидировали бригады телятниц. Некоторые из них пополнили штат Валовского сувенирного цеха, где изготавливались торбаза, тапочки и мелкие поделки из оленьего меха [23, с. 153—154]. Уйльта остро восприняли эти изменения, противоречившие их традиционным, проверенным веками приёмам ведения домашнего оленеводства, и отлучившие их от традиционного занятия.

В послевоенные годы в Поронайском районе был создан оленеводческий колхоз «Красный Октябрь», прекративший своё существование в 1981 г., когда главную усадьбу колхоза смыло сильным наводнением во время тайфуна «Филлис». Последующие попытки реанимировать оленеводство в этом районе не привели к положительным результатам [8, с. 246—248].

В настоящее время вследствие катастрофического оскудения оленьих пастбищ табунное оленеводство перестало существовать и уйльта рассредоточились по многим посёлкам, городам и портам. Относительно компактно они живут только в с. Вал, где в 1999 г. 4 семьи в родовом хозяйстве имели всего 150 оленей [30, с. 20].

Переселение части молодёжи в города способствовало смене профессий и отказу от традиционных хозяйственных занятий. Обучение в русскоязычных школах-интернатах, смешение представителей разных этнических групп в крупных селениях и городах обусловили разрыв межпоколенной преемственности культурных традиций. По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. из 298 уйльта (ороков) городское население составляли 169 чел., сельское — 129 [7, с. 785].

На современные этнокультурные процессы повлияли не только место жительства и уровень образования, но также характер труда. В целом можно говорить о значительном распространении у уйльта бытовой техники, которая освободила их от тяжёлой физической нагрузки, способствовала утверждению новой культуры быта. Например, женщины овладели швейными машинками. Очень многие из них шьют платья и блузки современных фасонов, иногда украшают их орнаментом. Традиционная одежда, как и другие элементы культуры, частично сохраняются в быту уйльта. Обувь, верхняя одежда (шьётся на заказ) и сувениры в основном изготавливаются на продажу [30, с. 24]. Наличие в индивидуальном пользовании современных технических средств коммуникации и связи, ставших повседневными и привычными, свидетельствует о значительных изменениях в культурной ориентации.

В хозяйственном отношении уйльта в основном остались, как и раньше, оленеводами, охотниками и рыболовами. В новых отраслях — огородничестве, молочном животноводстве и промышленности — задействованы очень немногие из них. У северных уйльта первым среди хозяйственных занятий является оленеводство [30, с. 20—23; 12, с. 221, 227].

Консолидирующие этнические процессы усилились в результате концентрации сёл, где проживали народности Севера, а также создания укрупнённых национальных рыболовецких артелей [14, с. 198]. Строительство железной дороги на восточном побережье Сахалина в 50-е гг. создало условия для ежедневных контактов между жителями отдалённых районов. В настоящее время на Сахалине нет ни одного населённого пункта, в котором бы наряду с коренным населением не жили русские; во многих посёлках они составляют большинство.

Таким образом, перестройка хозяйства и быта уйльта проходила на фоне тесных контактов с русским населением. Преобразования в хозяйстве и культуре в советский период вызвали значительные изменения в их этническом развитии, ускорили консолидацию обособленных в прошлом групп, способствовали сближению с культурой русского народа. Изменились селения, внешний вид жилищ, иными стали интерьер, одежда, пища и утварь, средства передвижения. Традиционные занятия этноса сохранялись примерно до середины XX в. Но затем начался процесс быстрого разрушения традиционной культуры.

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ДУХОВНОЙ СФЕРЕ

С конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в. на Сахалине активизируется деятельность православных священников и миссионеров. Согласно данным штата управления Сахалином, утверждённого в 1894 г., на острове «по духовному ведомству» числилось 10 священнослужителей. В «Сахалинском календаре» за 1899 г. было указано, что на острове имелось 10 православных церквей и 6 часовен [9, с. 24—28, 40—41].

Судя по записям в метрических книгах сахалинских церквей, с 1868 по 1917 г. происходило обращение «инородцев» в православие. В августе 1889 г. состоялось массовое крещение уйльта (орочонов, ороков) по Тымовскому округу [ГАСО. Ф. 23-И. Оп. 1. Д. 1. Л. 3—4, 26, 30—33, 40, 42, 47, 52, 68, 73, 103, 121—122, 150, 186—187, 313, 347, 362—368, 379; ГАСО. Ф. 23-И. Оп. 1. Д. 2. Л. 13—160, 163, 185—190; ГАСО. Ф. 23-И. Оп. 1. Д. 3. Л. 21—223, 238; ГАСО. Ф. 23-И. Оп. 1. Д. 5. Л. 75, 88, 89, 132—133; ГАСО. Ф. 23-И. Оп. 1. Д. 6. Л. 118—128]. В конце XIX в. иеромонах Иракий, бурят по национальности, в течение 8 лет служил на Сахалине, был священником в Рыковском приходе. По обязанности миссионера он ездил раз или два в год к Ныйскому заливу и по Пороною крестить, венчать и приобщать инородцев к православной вере. Им было просвещено до 300 орочей (большинство из них были орочёны) [31, с. 262].

Приняв христианство, уйльта стали носить русские имена и фамилии, могли вступать в браки с русскими, тунгусами и якутами [9, с. 33, 37—38]. Они наиболее тесно контактировали с моряками, промышленниками, купцами и казаками. С принятием аборигенами новой веры прекратились военные столкновения уйльта с нивхами и айнами [17, с. 16]. Христианизация малочисленного народа естественным образом способствовала процессу его аккультурации, сближая уйльта «по вере» с иными этническими общностями [12, с. 68].

Христианство, однако, оставалось для уйльта непонятным и чуждым, из него они восприняли лишь отдельные внешние атрибуты. В 1895 г. Н.П. Попов писал, что «орочоны, живущие по Пороною, христиане „крещёные“ и носят христианские имена: впрочем, к религии они относятся безразлично... В сущности они... язычники» [22, с. 11]. Современное молодое поколение уйльта также неоднозначно относится к религии. В сознании людей уживаются одновременно и «традиционная вера в своих божеств», и «православие людей с материка», и «советский атеизм» [12, с. 69].

Влияние русского населения обусловило появление новых запретов: например, замужняя женщина должна всегда ходить с покрытой платком головой, а незамужняя — без платка. Кроме того, если кто-либо сорвёт платок с головы женщины, то тому грозит расправа и уплата штрафа

за обиду [17, с. 26]. И всё же в результате миссионерской деятельности русских в жизнь аборигенов начали проникать элементы просвещения и цивилизации.

Редким явлением изначально были смешанные браки, так как строй жизни русских и аборигенов Сахалина весьма существенно различался. Их количество выросло с принятием среди уйльта (ороков) христианства в 1872 г., ещё более активно они стали заключаться в 30-е гг. XX в. [27, с. 274]. Так, в с. Вал. в 1999 г. отмечено лишь 4 однонациональных брака, 3 брака — с эвенками и 11 — с русскими [30, с. 16].

В советский период началась борьба с религией. На Сахалине, как и по всей стране, проводились антирелигиозные кампании. 25 февраля 1918 г. Дальневосточный краевой комитет Советов и Самоуправлений издаёт приказ об отделении школы от церкви и упразднении должности законоучителей в учебных заведениях края. Новая власть всерьёз рассчитывала покончить не только с православием, но и с религией вообще. Усиленно распространялись атеистические листовки, плакаты, лозунги, проводились специальные лекции, диспуты, устраивались вечера с демонстрацией химических опытов, кинофильмов, ставились спектакли, создавались «живые» журналы и газеты, разоблачавшие церковные «чудеса» и пророчества.

К 1925 г., после окончательного установления советской власти, на острове действовало 6 православных церквей и 3 часовни. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. на Северном Сахалине, как и на всей остальной территории СССР, по инициативе партийно-советских органов развернулась массовая кампания преследования граждан по политико-идеологическим и религиозным мотивам. Она сопровождалась закрытием храмов, необоснованными репрессиями в отношении священнослужителей и верующих. Как правило, к ним применялась ст. 58-10 УК РСФСР («антисоветская агитация»). В настоящее время эти люди реабилитированы [9, с. 48—63]. Восстановление церковной жизни и строительство православных храмов на Сахалине началось лишь в конце 1980-х гг., получив развитие в процессе последней эпохи преобразований в России.

Начавшаяся сельскохозяйственная и промышленная колонизация Северного Сахалина способствовала значительному росту населения. 15 февраля 1931 г. была проведена локальная перепись. Её итоги достаточно показательны: всего за пять лет население острова увеличилось на 28 тыс. чел., т.е. в 2,6 раза, и составило 39,3 тыс. чел., среди которых только 2144 чел. были из числа коренных народностей Севера [35, с. 264].

В 30-е гг. XX в. активизировалось не только экономическое, но и культурное развитие уйльта (ороков), нивхов и эвенков на Сахалине [ГАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 22. Л. 101—107; ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 104. Л. 1—220]. В советский период расширялась сеть школ, библиотек, клубов, музеев. Начальное обучение и медицинское обслуживание уйльта проводилось

на культурной базе, образованной в с. Ноглики в 1929 г. Она осуществляла свою деятельность на протяжении 20 лет. На её территории располагались больница, жилые дома для сотрудников, кухня, склад, собачник, мастерские и семилетняя школа-интернат, где обучались и жили на полном государственном обеспечении дети уйльта, нивхов и эвенков. В зданиях размещались райком ВКП(б), районный исполнительный комитет, райком ВЛКСМ, редакция районной газеты, отряд Красного Креста [ГАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 22. Л. 54—56].

Развернувшаяся культурная революция, о которой мы знаем в основном по впечатляющим цифрам ликвидации неграмотности, сопровождалась не менее впечатляющим масштабом уничтожения памятников истории и культуры, верований и шаманства среди аборигенов Сахалина. Однако влияние просвещения приводило и к позитивным моментам: ушли в прошлое свадебные обычаи, связанные с уплатой калыма, исчезли ранние браки.

В 1981 г. в г. Поронайске был создан национальный ансамбль «Мэнгумэ Илга» — «Серебряные узоры». Цель коллектива — сохранение и развитие национального фольклора и музыкальной культуры коренных малочисленных народов Севера. Участниками ансамбля являются известные мастерицы-уйльта Огава Хацуко и Ким Нацко.

По данным Сахалинского областного управления культуры за 1982 г., непосредственно культурным обслуживанием народностей Севера занимались 11 клубов и 10 библиотек, что составляло 11,2 и 9,7% соответствующих культурно-просветительных учреждений области. Раз в три года проводились праздники народностей Севера с обширной программой (спортивные соревнования, выступления народных ансамблей и т.д.). Функционировало шесть фольклорных ансамблей, организация которых не только служила важным полем реализации творческих способностей народностей Севера, но и способствовала преемственности традиционной народной культуры [33, с. 192—193]. К сожалению, работа таких ансамблей носила, как правило, эпизодический характер, была приурочена к смотрам художественной самодеятельности, фестивалям и национальным праздникам [14, с. 148—149]. В репертуар концертов входили номера песенно-танцевального и повествовательного фольклора.

В 1993 г. на о. Южный (Сачи) был открыт Технологический лицей № 3, который готовит мастеров национальных художественных промыслов. Педагоги — представители коренных народов Л.Д. Кимова, Сирюко Минато, Н.В. Джаббарова и др. У уйльта получили развитие ремёсла и народно-художественные промыслы — обработка кожи и металла, резьба по дереву и кости, изготовление традиционной одежды из рыбьей кожи и меха и т.п. Большинство традиционных бытовых предметов — деревянная посуда, берестяные короба, рукоятки ножей — покрываются самобытным орнаментом [10, с. 140—141].

Огромное значение в просвещении народа сыграло кино. Просмотр кинофильмов стал доступным средством приобщения недавних кочевников к мировой культуре.

В настоящее время в плане культурного досуга у уйльта абсолютное первенство принадлежит просмотру телепередач, второе и третье места занимает чтение газет, журналов и художественной литературы, затем следует кино и т.д. Активной культурной деятельности (различные виды прикладного и технического творчества, художественная самодеятельность и т.п.) отводятся последние места. Уйльта довольно гостеприимны и уделяют много времени общению с друзьями и родственниками. Крах коммунистической идеологии, сопровождающийся резким экономическим упадком и распадом Советской страны, вызвал у коренных малочисленных народов Сахалина глубокий духовный кризис. Их времяпровождение в основном сводится скорее к пассивному потреблению культуры, нежели к занятию художественным творчеством [14, с. 155], что в целом является общей для россиян тенденцией.

Быстрое развитие каналов массовой коммуникации явилось фактором духовного прогресса, усилило процессы интернационализации, стало, по сути, всеохватывающим, вовлекающим в свою сферу миллионы людей разных национальностей, в том числе и коренных малочисленных народов Сахалина.

Средства массовой информации (газеты, кино, радио, телевидение) способствовали развитию духовной культуры островитян на основе русского языка. Усилия по возрождению традиционной культуры и языка уйльта особенно активизировались в последние годы. С 1990 г. на родном языке ведутся радиопередачи, издаются газеты и национальная художественная литература.

Большой вклад в сохранение культурного наследия уйльта вносит Поронайский краеведческий музей. Для его фондов собрано множество предметов традиционной материальной культуры народов Севера, образцов повествовательного фольклора и декоративно-прикладного творчества.

Перестройка культуры, хозяйства и быта, рост грамотности, возникновение новых профессий, создание кадров национальной интеллигенции, перемещение населения в города — все эти разнохарактерные и различные по значению явления оказали большое влияние не только на общий подъём культуры, но и на увеличение числа смешанных браков, особенно между уйльта и русскими [28, с. 212—216].

За последние годы количество городских жителей из числа уйльта (ороков) увеличилось. В основном они учатся, живут и работают в Поронайске, Охе, Южно-Сахалинске, Хабаровске и других городах, всё больше сближаются с окружающим городским населением на основе деловых отношений.

Возможности городской среды способствовали расширению диапазона и активизации культурных потребностей и выравниванию культурного

уровня национальных групп и сокращению разрыва между ориентацией на просветительные и развлекательные виды досуга [14, с. 160]. В то же время отмечаются значительные трудности включения коренного населения в новые виды промышленного труда и адаптации к городской среде в условиях интенсивной урбанизации региона, что, безусловно, повлияло на процессы, происходящие в сфере духовной культуры.

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Развитие школьного дела среди народов Севера в досоветский период явилось неотъемлемой частью внутригосударственной политики России. Несмотря на то, что на Сахалине данный процесс имел свою специфику, количественное увеличение инородческих школ или сокращение их до полного исчезновения в отдельные периоды было следствием тех или иных социально-экономических и политических противоречий, которыми характеризовалась досоветская Россия в целом [32, с. 450—451]. Школа объективно способствовала повышению уровня грамотности коренного населения, появлению первых учителей из их среды, возникновению в родном языке таких понятий, как «учиться», «читать», «писать» и пр.; служила не только интересам духовного и экономического развития Сахалина, но и делу всестороннего взаимного сближения народов [25, с. 7—8].

К моменту колонизации уйльта были весьма отсталыми не только в экономическом, но и в культурном отношении. У них не было своей письменности, не было и единого разговорного языка: каждая территориальная группа говорила на особом диалекте.

Несколько миссионерских начальных школ, разбросанных по Сахалину, вели преподавание на русском языке. В этих одноклассных (в таких учились три года) учебных заведениях образование сводилось главным образом к заучиванию молитв и песнопений. Достигались две цели: учились грамоте и одновременно начаткам православной религии. В конце XIX — начале XX в. в церковно-приходских школах проходили и начала арифметики. Церквей на Сахалине было больше, чем миссионерских школ. Поэтому грамотных среди уйльта к 1917 г. было всего 5%. Только отдельным из них удалось получить среднее светское образование.

Вплоть до середины 20-х гг. XIX в. коренное население Сахалина оставалось практически безграмотным [14, с. 22]. Перепись 1926 г. зафиксировала только одного человека, орока (уйльта), считавшего себя грамотным, т.е. умеющим расписываться, читать по слогам. С установлением на Северном Сахалине советской власти положение быстро меняется. С 1925 г. в туземных селениях появляются школы, начинается ликвидация безграмотности. Несмотря на это, ещё в 1931 г. из 144 уйльта 73% совершенно не умели ни читать, ни писать [ГАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 22. Л. 17, 23]. В основном неграмотность среди коренного населения Сахалина была

ликвидирована к концу 50-х гг. XX в. [ГАСО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 76. Л. 17, 105]. К 1941 г. во всех районах Севера действовало 550 школ, в которых обучались свыше 10 тыс. детей аборигенов.

Деятельность школ в те годы была многообразной: обычно они становились центром всей общественной жизни северян. Многие учителя обучали не только детей, но и их родителей. Школы проводили работу со всем населением; учителя помогали аборигенам во всех их начинаниях.

В послевоенный период на Дальнем Востоке распространился закон о всеобщем обязательном 8-летнем образовании, а с 1977 г. — о среднем образовании. В эти же годы по всем национальным посёлкам и стойбищам была создана широкая сеть детских садов и яслей, что имело важное значение для воспитания молодого поколения. В 70-е гг. XX в. в школах стали больше уделять внимание углублённому изучению родных языков. Жизнь показала, что это помогает детям лучше усвоить школьную программу и развивает ребёнка в целом.

В настоящее время в национальных школах Сахалинской области обучение осуществляется на русском языке, при этом родной язык является обязательным предметом в начальных классах. Его преподают теперь уже не русские учителя, а представители коренных народностей, получающие педагогическое образование как в Педагогическом училище народов Севера (г. Николаевск-на-Амуре), так и в институтах Хабаровска, Магадана, Петропавловска-Камчатского и в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). Среди уйльта успешную работу в области углублённого изучения родного языка ведут учителя — выходцы из национальной среды Е.А. Бибикина и И.Я. Федяева. Их усилиями созданы труды по языку и фольклору, словари, учебные и методические пособия [15; 1, с. 33—43].

Воспитание и обучение детей народов Севера проводилось в интернатах. Полное государственное обеспечение учащихся создало условия для осуществления обязательного (начального, семилетнего, восьмилетнего) всеобщего образования, по существу, в те же сроки, что и в центральных областях страны [26, с. 8]. Отмечалось, что дети аборигенов довольно способны, быстро усваивают учебный материал, многие хорошо рисуют, показатели их умственного развития не уступают таковым же у русских детей [ГАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 22. Л. 24].

После получения среднего образования уйльта пользовались льготами при поступлении в ряд средних специальных и высших учебных заведений (прежде всего педагогических и медицинских). Школа стала сильным средством этнокультурных связей русских с коренными народами Севера. Этому в значительной степени способствовало то, что принятые на полное государственное обеспечение дети на длительное время отрывались от своих семей. Родители избавлялись не только от забот об их содержании (за всё платит государство), но и от прав и обязанностей по их

воспитанию. В результате рушилась естественная связь между поколениями. Обучение в национальных школах велось на русском языке, как следствие, дети оказались оторванными от жизненной практики предков. В результате этого утрачивался интерес к национальным обычаям и традициям. Только с 1981 г. в начальной школе (0—3 классы) вводится преподавание родного языка [4, с. 42]. Но к этому времени уйльта уже забыли свой коренной язык. Ни дети, приступившие сейчас к его изучению, ни подавляющее большинство их родителей этого языка не знают. Поэтому изучение исконного языка в начальной школе вряд ли приостановит процесс перехода этноса к русскому языку.

Политические, хозяйственные и культурные мероприятия (работа по ликвидации безграмотности, внедрение школьного образования) в советский период вызвали значительные изменения в социальном строе и духовной культуре уйльта, повлияли на их этническое самосознание. В местах проживания коренных народов открывались избы-читальни и библиотеки («ликбезы») [ГАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 22. Л. 1—110]. Участие молодёжи в работе изб-читален, сельских и районных комсомольских организациях, съездах Советов усиливало сближение коренного населения с русскими.

Огромное внимание уделялось в советский период вопросом подготовки кадров из числа аборигенного населения; молодёжь первоначально обучалась на курсах по подготовке ликвидаторов неграмотности, а в конце 1920-х гг. направлялась на учёбу в Институт народов Севера (г. Ленинград). Позднее открылись педагогические техникумы в Хабаровске и Николаевске-на-Амуре. Специалисты направлялись в сельские школы, помогали в колхозном строительстве [27, с. 262].

Уровень образования данной этнической общности невысок, при этом ограниченность культурной среды компенсируется за счёт максимального использования её возможностей лицами, получившими более качественное образование. По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. среди уйльта (ороков) Сахалинской области в возрасте 15 лет и более из 225 чел. профессиональное высшее образование имели 7 чел., неполное высшее — 3 чел., среднее — 28 чел., начальное — 29 чел., среднее (полное) — 59 чел.; общее (основное) — 65 чел., общее (начальное) — 28 чел. Не имели начального общего образования 5 чел., из них неграмотных — 2 чел., не указавших уровень образования — 1 чел. [7, с. 1529].

СУДЬБА РОДНОГО ЯЗЫКА

Родной язык практически перестал использоваться представителями многих коренных народов. Дети часто совсем не знают языка своих родителей. Такая ситуация опасна для культуры народа, поэтому национальная интеллигенция проявляет заботу о сохранении родной речи:

подрастающее поколение специально обучают родному языку. Некоторые представители интеллигенции собирают фольклор, выступают на сцене с песнями и танцами своего народа.

В силу чрезвычайной дисперсности расселения уйльта уже в 50-е гг. XX в. их родной язык перестал выполнять для этноса функции общения. Практически все аборигены Сахалина, растворившиеся среди русского населения, перешли на русский язык, забывая при этом родной. Активнее всего это процесс наблюдался у молодых людей, которые слабо владели родным языком, так как с детства воспитывались в интернатах, в отрыве от семьи [2, с. 82].

Уйльта (ороки), живущие в городах, утратившие почти все элементы традиционной культуры, не пользуются родным языком. По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. из 346 уйльта (ороков) владело только русским языком 344 человека [6, с. 95]. Снижение количества лиц, не владеющих родным языком, связано с внедрением русского как языка межэтнического общения в районах проживания народов Севера. На севере Сахалина раньше, помимо орокско-русского, было распространено также орокско-эвенкийское двуязычие. У южных ороков до 1945 г. отмечалось орокско-японское двуязычие.

Иногда родной язык используется в качестве языка общения в производственной деятельности. Другой сферой бытования родного языка является художественная самодеятельность и устное народное творчество.

Как известно, близкое общение друг с другом тех или иных народов побуждает к взаимному обогащению языков, особенно сильно влияние прослеживается в области терминологии. Словарный состав уйльтинского языка изменялся: в результате историко-культурных контактов он пополнился новыми словами. Тесные связи с русскими способствовали этому процессу [20, с. 155]. Для нас является важным проанализировать, как в заимствованиях отразилось нахождение в составе российского государства и влияние русской культуры.

Традиционный уйльтинский язык обладает значительными средствами для передачи понятий, связанных с непосредственной общественно-производственной деятельностью и существовавшим бытовым укладом. В нём присутствуют обширные лексические группы, описывающие таёжную охоту, рыболовство, морской промысел, оленеводство [16, с. 189]. Вместе с тем в уйльтинском языке слабо представлены единицы, связанные с городской культурой, письменностью и литературой, политикой и экономикой, так как эти аспекты отсутствовали в повседневной деятельности и не были свойственны традиционному обществу.

В советский период словарный состав уйльтинского языка пополнился за счёт терминологии, связанной с колхозным производством, техникой, наукой, политикой, культурой и бытом [26, с. 94; 36, с. 6—7, 35—37, 45; 20, с. 156—159]. Такие слова, как *палатка*, *бутылка*, *чайник*, *спички*,

топор, колхоз, трактор, катер, председатель, совет и многие другие прочно вошли в уйльтинский язык. С изменением характера производственной деятельности и культурным ростом островитян образовались новые слова: *самолёт(у)* — самолёт, *угда моторуни* — лодочный мотор, *тавку дуку* — библиотека, *пастухин'н'ил* — бригада пастухов и т.д. Влияние русского языка на фонетику и морфологию уйльтинского незначительно. Так, все слова, заимствованные из русского, уйльта произносятся согласно орфоэпическим нормам родного языка.

В период глобализации большую роль в усвоении заимствованных из русского слов играет общая для уйльтинского и русского языков письменность. В 1993 г. в Институте языкознания РАН был утверждён проект письменности для языка уйльта на основе кириллицы, разработанный японским профессором Дзиро Икегами. Весной 2008 г. в результате многолетней работы коллектива авторов под руководством профессора вышел букварь уйльтинского языка [29, с. 45]. Благодаря этому уйльта, заимствуя из русского языка новые слова, перенимают их не только на слух, но и путём зрительного восприятия. В процессе обучения школьники усваивают произношение этих слов, соответствующее русским орфоэпическим нормам [36].

В 1981—1982 уч. г. введено обучение родному языку в подготовительных классах национальных школ Сахалинской области. Сейчас уйльтинский язык преподаётся до третьего класса в школах пос. Ноглики, Вал и в г. Поронайске. В старших классах тех же школ ведётся факультатив и кружковая работа по родному языку, хотя учащиеся им практически не владеют. Также введено преподавание уйльтинского языка в детских садах этих же населённых пунктов: разработана программа по родному языку для старшей группы детского сада. В системе высшего образования курс уйльтинского языка читается на факультете народов Севера в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

Происходящие в уйльтинском языке изменения с полной очевидностью свидетельствуют о его совершенствовании. Этот язык, как и другие ранее бесписьменные языки коренных малочисленных народов Сахалина, в целом сохраняя свой основной словарный фонд и грамматический строй, обогатился заимствованными словами и получил возможность развиваться. Процесс этот идёт как за счёт интенсивного развёртывания всех заложенных в нём элементов, так и благодаря влиянию русского языка [20, с. 159].

Таким образом, анализ лексических особенностей уйльтинского языка показывает, что незначительный пласт в нём составляют заимствования из айнского, нивхского и японского языков. На протяжении 150 лет уйльта сохраняют культурные связи с русскими, поэтому в их словарном составе в значительной степени представлена русская лексика.

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ЗДОРОВЬЯ

Сахалин до начала XX в. считался одной из отсталых окраин царской России. Бедность, полуголодное существование коренного населения, отсутствие организованной медицинской помощи, инфекции, пристрастие к наркотикам и алкоголю — причины высокой заболеваемости и смертности [РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 240. Л. 10—14].

На острове наблюдались эпидемии натуральной оспы, холеры, сыпного и брюшного тифа [17, с. 57; 11, с. 17]. Массовый характер носила заболеваемость трахомой, туберкулёзом, сифилисом, сибирской язвой. Среди ороков в 1905 г. отмечены заразные болезни: корь, оспа, сифилис, которые назывались одним словом *гоя ынущю* и др. [17, с. 57]. В метрических книгах церковей о. Сахалин вырисовываются наиболее характерные причины смертей аборигенного населения: воспаление лёгких, туберкулёз, ангина, общее истощение, гельминтоз, желудочно-кишечные заболевания. Хотя в 1897 г. русские врачи начали делать прививки аборигенам от оспы [11, с. 17—18], но эпидемии продолжались. Так, весной 1903 г. отмечена вспышка оспы в стойбищах Вал, Пилитун, Муйго. Только в Пилитуне от этой болезни погибло 20 чел. От рода Муйго (Муйгатта) остались единицы, которые переселились в Рыбновскую округу. В 1908 г. от эпидемии пострадало большое число инородческого населения острова [ГАСО. Ф. 23-И. Оп. 1. Д. 6. Л. 118—128].

Здоровье коренного населения Сахалина во многом было связано и с уровнем медицинского обслуживания того времени. Практически аборигены были лишены врачебной помощи. Активная деятельность врачей, например М.М. Добротворского, А.А. Васильева, Н.В. Кирилова, Н.С. Лобаса, В.А. Штейгмана и др., конечно, не могла повлиять на общее положение дел в данной сфере. Отсутствие иммунитета к эпидемическим заболеваниям, незнание элементарных способов их профилактики и лечения, низкий санитарный уровень вели к широкому распространению болезней и вымиранию аборигенов, что вызвало резкое уменьшение численности коренного населения [19, с. 104]. Ещё в начале XX в. многие аборигены острова продолжали умирать от кори и чумы. Вплоть до 40-х гг. XX в. медицинское обслуживание коренных народов острова осуществлялось исключительно русскими специалистами.

В 1924 г. при ВЦИК был создан Комитет содействия народностям Северных окраин РСФСР. При его участии среди местного населения проводилась культурно-просветительная работа, улучшилось медицинское обслуживание и снабжение аборигенов продовольственными и промышленными товарами [ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 104. Л. 102—220].

С целью предупреждения эпидемии оспы среди коренных народностей в 1925 г. Дальревком ввёл обязательные прививки; благодаря решительным

мерам были предупреждены эпидемии кори и скарлатины. Лечебно-профилактическую помощь в районах дальневосточного Севера до ноября 1927 г. оказывало Российское общество Красного Креста (РОКК), которое систематически направляло в северные районы свои отряды [ЦГАОР СССР. Ф. 3341. Оп. 6. Д. 98. Л. 157—170; ГАСО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 22. Л. 101—107].

Развитие здравоохранения привело к успехам в борьбе с эпидемиями и особо опасными инфекционными заболеваниями, а внедрение в практику сульфаниламидных препаратов и антибиотиков позволило получить быстрый и внушительный эффект в снижении смертности коренных народов Дальнего Востока. При относительно стабилизировавшемся количественном воспроизводстве местного населения ведущей характеристикой демографической ситуации стали положительные показатели, определяющие состояние здоровья и трудоспособность населения. Увеличилась средняя продолжительность жизни с длительным и почти полным сохранением общественно полезной активности, снизились заболеваемость и смертность коренного населения, что способствовало росту его численности [19, с. 105].

В 1927 г. фактории Дальгосторга бесплатно выдавали пищевое довольствие. Каждый орочён получал на год 88 кг муки, 1—2 кг табака, 8 кг сахара, 5 кг шанхайского сала, 3 плитки чая, 1—2 кг вермишели, 9 кг риса [НА СОКМ. Оп. 3. Д. 158. Л. 11]. Школьники находились на полном государственном обеспечении в школах-интернатах (пос. Ноглики, Некрасовка, Рыбновск).

В 1960—1970-е гг. изменился быт колхозников: появились новые дома, мебель, кровати, одежда городского типа и пр. Для одиноких, престарелых и инвалидов из числа народов Севера в пос. Ноглики был открыт дом-интернат, где проживающие находились на полном государственном обеспечении, получали 4—5-разовое питание, одежду, лекарства и культурно-бытовое обслуживание [НА СОКМ. Оп. 3. Д. 157. Л. 3].

Вместе с тем смертность у коренных народов Сахалина оставалась очень высокой по сравнению с другими областями РСФСР. В 1930 г. она составляла в среднем около 36 умерших на 1000 чел. населения. Чрезвычайно высокой оставалась детская смертность. В 1970 г. до года не дожили в среднем 11 из каждых 100 родившихся ульта [4, с. 41].

Заболеваемость среди аборигенов острова в условиях урбанизации и изменения социального уклада жизни достаточно высока [3, с. 39—40]. Исследования демографической ситуации, проведённые в 1997 г., свидетельствовали о снижении воспроизводства коренного населения [28, с. 210]. Например, уровень смертности аборигенного населения на севере Сахалинской области в 1995—1998 гг. превысил среднеобластной в 1,3 раза, а показатель младенческой смертности — в 1,8 раза; заболеваемость выросла на 19%, притом, что по области этот показатель не претерпел существенных изменений [12, с. 122].

После появления на острове восточнославянского населения этнические процессы среди аборигенов стали активнее. Уйльта приняли православие, что способствовало распространению смешанных браков, начали заниматься сельским хозяйством, перешли к оседлости, стали обращать внимание на санитарии и гигиену (научились стирать бельё, строить срубные дома и бани).

Огромное значение для здоровья аборигенов острова имела традиционная культура питания. Периодический недостаток рыбы и морского зверя приводил к существенным изменениям в структуре питания. Резкий переход на несвойственный тип питания, наряду со значительным падением жизненного уровня подавляющего большинства представителей коренного населения острова, и общее значительное ухудшение дел в здравоохранении Сахалинской области привели к заметному росту числа заболеваний и смертности [3, с. 38].

С середины XX в. структура питания во многом определяется потребностями и способами усвоения определённых пищевых ингредиентов организмом, длительно находящимся в экстремальных условиях крайнего Севера. В пище уйльта сочетаются традиционные и новые блюда. По-прежнему популярна строганина (сырое мясо только что убитого оленя), уха местного изготовления, вяленая, копчёная, жаренная на костре рыба. Кроме того, в пищевой рацион вошли молоко, каши, супы, пельмени, пироги и прочие блюда русской кухни, многие стали употреблять в пищу консервы, овощи, фрукты. Значительное подспорье — картофель, лук, морковь и другие овощи. Уйльта сейчас уже не могут обходиться без хлеба, масла, сахара, муки и риса. При этом мясо и рыба остаются для них основой питания [30, с. 24; 21, с. 225].

Отрицательным фактором в рационе питания послужило внедрение алкоголя и табака. В развитии алкоголизма среди уйльта (ороков) существенную роль сыграло распространение спиртных напитков китайцами, японцами и русскими во время торговых отношений в середине XIX в. Склонность к алкогольным напиткам и курению табака характерна не только для мужчин, но и для женщин и детей. Широкое применение алкоголя при отправлении ритуалов и обрядов (разбрызгивание водки духам, ритуал выпивки) стало обязательной атрибутикой жизни аборигенов и, вероятно, стартовым моментом в развитии у них алкогольной зависимости. Уйльта, айны и нивхи научились изготавливать пиво из проса, затем пить японское саке, позже — спирт и водку русского производства [19, с. 106—107].

Алкоголь, табак, наркотики породили неизлечимые болезни как социального, так и биологического характера, тем самым ускоряя процесс исчезновения малочисленного народа. Очевидно, что проблема алкоголизации коренного населения Дальнего Востока — сложная социально-медицинская задача. Однако уже сейчас ясно, что вероятные её причины — социальная дезадаптация, перестройка мотивационной сферы

личности аборигенов, утрата ими социально-культурных традиций, приобретение профессий, не соответствующих их типологическому складу, дестабилизирующее влияние мигрантов [5, с. 410].

Таким образом, испытав сильное влияние Российской империи и Советского государства в социально-экономической структуре, уйльта утрачивают этническую идентичность в традиционной духовной культуре. Сохраняется стремление развивать родной язык, традиционные промыслы и оленеводство. Совершенно очевидно цивилизующее воздействие государственности на повышение культурного уровня уйльта, осуществлявшееся через создание стационарных поселений и деятельность культурно-просветительных учреждений, а также через развитие образования, здравоохранения, торговли. Благодаря культурной революции советского периода ранее поголовно неграмотное население острова приобщилось к мировой культуре, перед представителями коренного населения открылся практически неограниченный выбор видов и форм деятельности. Среди аборигенов появились люди самых различных профессий: промышленные рабочие, механизаторы, учителя, врачи, зоотехники и т.д. Этнокультурные процессы, происходящие у сахалинских уйльта с середины XIX в., характеризуются частичным сохранением родного языка, пополнением словаря русской лексикой. Территория проживания уйльта сузилась. Значительно изменился быт и методы хозяйственной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибикова Е.А. Воспоминания // Культурное наследие народов Дальнего Востока России. Сахалинская область. Уйльта. Эвенки. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2009. С. 33—43.
2. Высоков М.С. К проблеме преподавания в школе языков аборигенов Сахалина // Краеведческий бюллетень (Южно-Сахалинск). 1995. № 1. С. 80—85.
3. Высоков М.С. Коренное население Сахалина на пороге третьего тысячелетия // Краеведческий бюллетень. Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. 1999. № 4. С. 18—47.
4. Высоков М.С. Научное наследие Б. Пилсудского и современное положение коренного населения Сахалина // Б.О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина: материалы междунар. науч. конф. 31 октября — 2 ноября 1991 г. / Сахалинский обл. краевед. музей. Южно-Сахалинск: Сахалинский обл. краевед. музей, 1992. Т. 1. С. 36—44.
5. Галактионов О.К., Шорин В.В. Транскультуральная психиатрия (контуры, реальность и значимость медицинской практики в архаических монголоидных этносах). Владивосток: Время, ЛТД, 2003. 416 с.
6. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. В 14 т. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство / Федер. служба гос. статистики. М.: Статистика России, 2004. Кн. 1. 946 с.
7. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. В 14 т. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство / Федер. служба гос. статистики. М.: Статистика России, 2004. Кн. 2. 2075 с.

8. Косарев В.Д. Люди восточного Лукоморья (о встречах с ороками в экспедициях 1983—1984 гг.) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2012. Вып. 16. С. 223—254.
9. Костанов А.И. Русская Православная Церковь на Сахалине и Курильских островах: исторический очерк. Южно-Сахалинск: Об-во изуч. Сахалина и Курильских о-вов, 1992. 80 с.
10. Кочешков Н.В. Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина XIX—XX вв.: проблемы этнических традиций. СПб.: Наука, 1995. 149 с.
11. Лобас Н.С. Сахалинская каторга (записки тюремного врача). Южно-Сахалинск: Сахалинская обл. тип., 2012. 392 с.
12. Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. М.: Наука, 2006. 295 с.
13. Народы Сибири. Этнографические очерки / под ред. М.Г. Левина, Л.П. Потапова. М.; Л.: АН СССР, 1956. 1084 с.
14. Нивхи Сахалина: современное социально-экономическое развитие. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.
15. Озолина Л.В., Федяева И.Я. Орокско-русский и русско-орокский словарь. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2003. 294 с.
16. Петрова Т.И. Орокский язык // Языки народов СССР: монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. В 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 5. С. 172—190.
17. Пилсудский Б.О. Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904 г. Препринт. Южно-Сахалинск: Ин-т морской геологии и географии ДВО АН СССР, 1989. 76 с.
18. Пилсудский Б.О. Отчёт по командировке к айнам и орокам о. Сахалина в 1903—1905 гг. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1907. Вып. 7. С. 20—52.
19. Подмаскин В.В. Медико-демографические последствия этнокультурных контактов коренных малочисленных народов Дальнего Востока России // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2012. № 2. С. 102—110.
20. Подмаскин В.В. О русских влияниях на орокский (уйльтинский) язык (по материалам лексики) // Славянский мир в контексте развития Тихоокеанской России и международных отношений в АТР: материалы науч.-практ. конф., Владивосток, 24—25 июня 2014. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 151—159.
21. Подмаскин В.В. Традиции и новации в культуре питания ороков (уйльта) // Проблемы изучения традиционных сообществ Тихоокеанской России: сб. науч. ст. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. С. 213—225.
22. Попов Н.П. Река Поронай и её инородческое население // Сахалинский календарь на 1896 г. Отд. 2. Б. м.: Тип. на о. Сахалине, 1895. С. 3—15.
23. Роон Т.И. Изменения в экономике коренных народов Сахалина в XX в. // Расы и народы. М., 2002. Вып. 28. С. 146—159.
24. Сасаки С. Сантан коэки — торговля народов Нижнего Амура и Сахалина в XVIII и XIX вв. // Б.О. Пилсудский — исследователь народов Сахалина: материалы междунар. науч. конф. 31 октября — 2 ноября 1991 г. / Сахалинский обл. краевед. музей. Южно-Сахалинск: Сахалинский обл. краевед. музей, 1992. Т. 1. С. 119—127.
25. Севильгаев Г.Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Л.: АН СССР, 1972. 422 с.
26. Сем Л.И. Общая характеристика особенностей орокского языка // Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времён до наших дней): тез. докл. и сообщ. на сессии гуманитарных наук совета ДВФ СО АН СССР по итогам научно-организационной работы за 1964 г. Владивосток, 1965. С. 87—94.

27. Смоляк А.В. Современные этнические процессы у народов бассейна Нижнего Амура // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.: Наука, 1970. С. 256—279.
28. Стеблина Н.П., Роон Т.П. Демографические процессы в популяции уйльта (орочков) Сахалинской области // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 1999. Вып. 3. С. 210—216.
29. Толдова С.Ю., Брыкина М.М. Документация уйльтинского языка: что предлагает XXI век? // Культурное наследие народов Дальнего Востока России. Сахалинская область. Уйльта. Эвенки. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2009. С. 44—53.
30. Функ Д.А., Зенько А.П., Силланпяя Л. Материалы по современной культуре и социально-экономическому положению северной группы уйльта // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 14—30.
31. Чехов А.П. Остров Сахалин: из путевых записок. Собр. соч. в 8 т. М.: Правда, 1970. Т. 8. С. 5—330.
32. Шаброва Н.И. Школы Корсаковского округа в период каторги // Вестник Сахалинского музея. Южно-Сахалинск, 2002. № 9. С. 450—453.
33. Швайковская Т.С. Условия развития художественного творчества народностей Севера (по материалам социологического обследования в Сахалинской области) // Народности Севера: проблемы и перспективы экономического и социального развития: тезисы докл. и сообщ. Всесоюзной науч. конф. (Новосибирск, 4—6 мая 1983 г.). Новосибирск, 1983. С. 192—193.
34. Шмидт Ф.Б. Остров Сахалин // Русское богатство. 1905. № 4. С. 151—168.
35. Щеглов В.В. Национальный состав Сахалинской области за последние сто лет // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, экономика, культура (Третьи Крушановские чтения, 2003 г.). Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 262—270.
36. 池上二良編. ウイルタ語基礎語彙 = Икегами Дзиро. Базовый словарь уйльта. Саппоро: 北海道大学文学部言語学研究室, 1980. 76 p.
37. ГАСО (Гос. арх. Сахалинской области).
38. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
39. НА СОКМ (Научн. арх. Сахалинского краеведческого музея).
40. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).
41. ЦГАОР СССР (Центральный гос. арх. Октябрьской революции СССР).

REFERENCES

1. Bibikova E.A. Vospominaniya [The Memories]. *Kul'turnoe nasledie narodov Dal'nego Vostoka Rossii. Sakhalinskaya oblast'. Uyl'ta. Evenki* [The Cultural Heritage of the Peoples of the Far East of Russia. Sakhalin Region. Uil'ta. Evenki]. Yuzhno-Sakhalinsk, Lukomor'e Publ., 2009, pp. 33—43. (In Russ.)
2. Vysokov M.S. K probleme prepodavaniya v shkole yazykov aborigenov Sakhalina [To the Problem of the Teaching at the Natives Language School in Sakhalin]. *Kraevedcheskiy byulleten' (Yuzhno-Sakhalinsk)*, 1995, no. 1, pp. 80—85. (In Russ.)
3. Vysokov M.S. Korennoe naselenie Sakhalina na poroge tret'ego tysyacheletiya [The Indigenous Population of Sakhalin on the Threshold of the Third Millennium]. *Kraevedcheskiy byulleten'. Problemy istorii Sakhalina, Kuril i sopredel'nykh territoriy*, 1999, no. 4, pp. 18—47. (In Russ.)
4. Vysokov M.S. Nauchnoe nasledie B. Pilsudskogo i sovremennoe polozhenie korenogo naseleniya Sakhalina [The Scientific Heritage of B. Pilsudski and the Current Situation of the Indigenous Population of Sakhalin]. *B.O. Pilsudskiy — issledovatel'*

- narodov Sakhalina: materialy mezhdunar. nauch. konf.* 31 oktyabrya — 2 noyabrya 1991 g. [B.O. Pilsudski — a Researcher of the Peoples of Sakhalin: Materials of International Scientific Conference. October 31 — November 2, 1991]. Sakhalinskiy obl. kraeved. muzey. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskiy obl. kraeved. muzey Publ., 1992, vol. 1, pp. 36—44. (In Russ.)
5. Galaktionov O.K., Shorin V.V. *Transkul'tural'naya psikhatriya (kontury, real'nost' i znachimost' meditsinskoj praktiki v arkhaiskikh mongoloidnykh etnosakh)* [Transcultural Psychiatry (Contours, Reality and Significance of Medical Practice in Archaic Mongoloid Ethnic Groups)]. Vladivostok, Vremya, LTD Publ., 2003, 416 p. (In Russ.)
  6. Itogi Vserossiyskoj perepisi naseleniya 2002 goda. V 14 t. T. 4. *Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo* [Results of the All-Russian Population Census of 2002. In 14 vol. Vol. 4. National Composition and Language Skills, Citizenship]. Feder. sluzhba gos. statistiki. Moscow, Statistika Rossii Publ., 2004, book 1, 946 p. (In Russ.)
  7. Itogi Vserossiyskoj perepisi naseleniya 2002 goda. V 14 t. T. 4. *Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo* [Results of the All-Russian Population Census of 2002. In 14 vol. Vol. 4. National Composition and Language Skills, Citizenship]. Feder. sluzhba gos. statistiki. Moscow, Statistika Rossii Publ., 2004, book 2, 2075 p. (In Russ.)
  8. Kosarev V.D. *Lyudi vostochnogo Lukomor'ya (o vstrechakh s orokami v ekspeditsiyakh 1983—1984 gg.)* [People of the Eastern Lukomorye (about Meetings with Oroks on Expeditions 1983—1984)]. *Izvestiya Instituta naslediya Bronislava Pilsudskogo* [News of the Institute of Bronislaw Pilsudski Heritage]. Yuzhno-Sakhalinsk, Izd-vo SakhGU Publ., 2012, iss. 16, pp. 223—254. (In Russ.)
  9. Kostanov A.I. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' na Sakhaline i Kuril'skikh ostrovakh: istoricheskiy ocherk* [Russian Orthodox Church on Sakhalin and the Kuril Islands: Historical Outline]. Yuzhno-Sakhalinsk, Ob-vo izuch. Sakhalina i Kuril'skikh o-vov Publ., 1992, 80 p. (In Russ.)
  10. Kocheshkov N.V. *Dekorativnoe iskusstvo narodov Nizhnego Amura i Sakhalina XIX—XX vv.: problemy etnicheskikh traditsiy* [Arts and Crafts of the Peoples of the Lower Amur and Sakhalin 19th—20th Centuries: Problems of Ethnic Traditions]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1995, 149 p. (In Russ.)
  11. Lobas N.S. *Sakhalinskaya katorga (zapiski tyuremnogo vracha)* [Sakhalin Penal Servitude (Notes of the Prison Doctor)]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalinskaya obl. tip. Publ., 2012, 392 p. (In Russ.)
  12. Missonova L.I. *Uyl'ta Sakhalina: bol'shie problemy malochislennogo naroda* [The Uilta of Sakhalin: Big Problems of a Small People]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 295 p. (In Russ.)
  13. *Narody Sibiri. Etnograficheskie ocherki* [The Peoples of Siberia. Ethnographic Essays]. Ed. by M.G. Levin, L.P. Potapov. Moscow, Saint Petersburg, AN USSR Publ., 1956, 1084 p. (In Russ.)
  14. *Nivkhi Sakhalina: sovremennoe sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye* [Nivkhi of Sakhalin: Modern Socio-Economic Development]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988, 224 p. (In Russ.)
  15. Ozolinya L.V., Fedyayeva I.Ya. *Oroksko-russkiy i russko-orokskiy slovar'* [Orok-Russian and Russian-Orok Dictionary]. Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhalin. kn. izd-vo Publ., 2003, 294 p. (In Russ.)
  16. Petrova T.I. *Orokskiy yazyk* [Orok Language]. *Yazyki narodov SSSR: mongol'skie, tunguso-man'chzhurskie i paleoaziatskie yazyki* [Languages of the USSR: Mongolian, Tungus-Manchurian and Paleo-Asiatic Languages]. In 5 vol. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1968, vol. 5, pp. 172—190. (In Russ.)

17. Pilsudskiy B.O. *Iz poezdki k orokam o. Sakhalina v 1904 g.* [From a Trip to the Orok of Sakhalin in 1904]. Preprint. Yuzhno-Sakhalinsk, In-t morskoy geologii i geografii DVO AN SSSR Publ., 1989, 76 p. (In Russ.)
18. Pilsudskiy B.O. Otchet po komandirovke k aynam i orokam o. Sakhalina v 1903—1905 gg. [Report of the Business Trip to the Ainu and Orok of Sakhalin Island in 1903—1905]. *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii v istoricheskoy, lingvisticheskoy i etnograficheskoy otnosheniyyakh* [News of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia in Historical, Linguistic and Ethnographic Relations]. Saint Petersburg, Tip. Imperatorskoy Akademii Nauk Publ., 1907, iss. 7, pp. 20—52. (In Russ.)
19. Podmaskin V.V. Mediko-demograficheskie posledstviya etnokul'turnykh kontaktov korennykh malochislennykh narodov Dal'nego Vostoka Rossii [Medical and Demographic Consequences of Ethnocultural Contacts of Indigenous Peoples of the Far East of Russia]. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN*, 2012, no. 2, pp. 102—110. (In Russ.)
20. Podmaskin V.V. O russkikh vliyaniyakh na orokskiy (uyl'tinskiy) yazyk (po materialam leksiki) [About Russian Influences to the Orok (Uilta) Language (Based on Vocabulary Materials)]. *Slavyanskiy mir v kontekste razvitiya Tikhookeanskoj Rossii i mezhdunarodnykh otnosheniy v ATR: materialy nauch.-prakt. konf., Vladivostok, 24—25 iyunya 2014* [Slavic World in the Context of the Development of Pacific Russia and International Relations in the Asia-Pacific region: Materials of Scientific and Practical. Conference, Vladivostok, June 24—25, 2014]. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2015, pp. 151—159. (In Russ.)
21. Podmaskin V.V. Traditsii i novatsii v kul'ture pitaniya orokov (uyl'ta) [Traditions and Innovations in the Nutrition Culture of the Orok (Ulta)]. *Problemy izucheniya traditsionnykh soobshchestv Tikhookeanskoj Rossii: sb. nauch. st.* [Problems of Studying Traditional Communities of Pacific Russia: Collection of Scientific Works]. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2016, pp. 213—225. (In Russ.)
22. Popov N.P. Reka Poronay i ee inorodcheskoe naselenie [The Poronay River and Its Foreign Population]. *Sakhalinskiy kalendar' na 1896 g., otd. 2.* [Sine loco], Tip. na o. Sakhaline Publ., 1895, pp. 3—15. (In Russ.)
23. Roon T.I. Izmeneniya v ekonomike korennykh narodov Sakhalina v XX v. [Changes in the Economy of Indigenous Peoples of Sakhalin in the 20th Century]. *Rasy i narody* [Races and Peoples]. Moscow, 2002, iss. 28, pp. 146—159. (In Russ.)
24. Sasaki S. Santan koeki — torgovlya narodov Nizhnego Amura i Sakhalina v XVIII i XIX vv. [Santan Koeki — Trade of the Peoples of the Lower Amur and Sakhalin in the 18th and 19th Centuries]. *B.O. Pilsudskiy — issledovatel' narodov Sakhalina: materialy mezhdunar. nauch. konf. 31 oktyabrya — 2 noyabrya 1991 g.* [B.O. Pilsudski — a Researcher of the Peoples of Sakhalin: Materials of International Scientific Conference. October 31 — November 2, 1991]. Sakhalinskiy obl. kraeved. muzey. *Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskiy obl. kraeved. muzey* Publ., 1992, vol. 1, pp. 119—127. (In Russ.)
25. Sevil'gaev G.F. *Ocherki po istorii prosveshcheniya malykh narodov Dal'nego Vostoka* [Essays on the History of the Enlightenment of Small Peoples of the Far East]. Leningrad, AN USSR Publ., 1972, p. 422. (In Russ.)
26. Sem L.I. Obshchaya kharakteristika osobennostey orokskogo yazyka [General Characteristics of the Orok Language Features]. *Obshchie zakonomernosti i osobennosti istoricheskogo razvitiya narodov sovetskogo Dal'nego Vostoka (s drevneyshikh vremen do nashikh dney): tez. dokl. i soobshch. na sessii gumanitarnykh nauk soveta DVF SO AN SSSR po itogam nauchno-organizatsionnoy raboty za 1964 g.* [General Patterns and Features of the Historical Development of the Peoples of the Soviet Far East (from Ancient Times to the Present Day): Abstracts and Reports at the Session

- of the Humanities of the Council of the Far East Department of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences Based on the Results of Scientific and Organizational Work in 1964]. Vladivostok, 1965, pp. 87—94. (In Russ.)
27. Smolyak A.V. Sovremennyye etnicheskie protsessy u narodov basseyna Nizhnego Amura [Modern Ethnic Processes among the Peoples of the Lower Amur Basin]. *Preobrazovaniya v khozyaystve i kul'ture i etnicheskie protsessy u narodov Severa* [Transformations in the Economy and Culture and Ethnic Processes among the Peoples of the North]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 256—279. (In Russ.)
  28. Steblina N.P., Roon T.P. Demograficheskie protsessy v populyatsii uyl'ta (orokov) Sakhalinskoy oblasti [Demographic Processes in the Uilta (Orok) Population of the Sakhalin Region]. *Izvestiya Instituta naslediya Bronislava Pilsudskogo* [News of the Institute of Bronislaw Pilsudski Heritage]. Yuzhno-Sakhalinsk, Izd-vo SakhGU Publ., 1999, iss. 3, pp. 210—216. (In Russ.)
  29. Toldova S.Yu., Brykina M.M. Dokumentatsiya uyl'tinskogo yazyka: chto predlagaet XXI vek? [The Uilta Language Documentation: What does the 21st Century Offer?]. *Kul'turnoe nasledie narodov Dal'nego Vostoka Rossii. Sakhalinskaya oblast'. Uyl'ta. Evenki* [The Cultural Heritage of the Peoples of the Far East of Russia. Sakhalin Region. Uilta. Evenki]. Yuzhno-Sakhalinsk, Lukomor'ye Publ., 2009, pp. 44—53. (In Russ.)
  30. Funk D.A., Zen'ko A.P., Sillanpyaya L. Materialy po sovremennoy kul'ture i sotsial'no-ekonomicheskomu polozheniyu severnoy gruppy uyl'ta [Materials on the Modern Culture and Socio-Economic Situation of the Northern Group of Uilta]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2000, no. 3, pp. 14—30. (In Russ.)
  31. Chekhov A.P. *Ostrov Sakhalin: iz putevykh zapisok*. Sobr. soch. v 8 t. [Sakhalin Island: from Travel Notes. Coll. Works in 8 Volumes]. Moscow, Pravda Publ., 1970, vol. 8, pp. 5—330. (In Russ.)
  32. Shabrova N.I. Shkoly Korsakovskogo okruga v period katorgi [Schools of the Korsakov District during the Penal Servitude Period]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeya*. Yuzhno-Sakhalinsk, 2002, no. 9, pp. 450—453. (In Russ.)
  33. Shvaykovskaya T.S. Usloviya razvitiya khudozhestvennogo tvorchestva narodnostey Severa (po materialam sotsiologicheskogo obsledovaniya v Sakhalinskoy oblasti) [Conditions for the Development of Artistic Creation of the Peoples of the North (based on Materials from a Sociological Survey in the Sakhalin Region)]. *Narodnosti Severa: problemy i perspektivy ekonomicheskogo i sotsial'nogo razvitiya: tezisy dokl. i soobshch. Vsesoyuznoy nauch. konf. (Novosibirsk, 4—6 maya 1983 g.)* [The Peoples of the North: Problems and Prospects of Economic and Social Development: Abstracts and Reports of USSR Scientific Conference (Novosibirsk, May 4—6, 1983)]. Novosibirsk, 1983, pp. 192—193. (In Russ.)
  34. Shmidt F.B. Ostrov Sakhalin [Sakhalin Island]. *Russkoye bogatstvo*, 1905, no. 4, pp. 151—168. (In Russ.)
  35. Shcheglov V.V. Natsional'nyy sostav Sakhalinskoy oblasti za poslednie sto let [The National Composition of the Sakhalin Region over the Past Hundred Years]. *Dal'niy Vostok Rossii v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: istoriya, ekonomika, kul'tura (Tret'i Krushanovskie chteniya, 2003 g.)* [The Russian Far East in the System of International Relations in the Asia-Pacific Region: History, Economics, Culture (Third Readings in Memory of Academician Krushanov, 2003)]. Vladivostok, Dalnauka Publ., 2006, pp. 262—270. (In Russ.)
  36. 池上二良編. ウイルタ語基礎語彙 [Ikegami Jiro. An Uilta basic vocabulary]. Sapporo, 北海道大学文学部言語学研究室 Publ., 1980, 76 p. (In Jap.)

Дата поступления в редакцию 20.03.2020